

ДРЕВНИЕ ТОПОНИМЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ (Ономастические реликты Алагирского района)

Е.Б. Бесолова

Статья посвящена рассмотрению языковых реликтов древних языковых общностей в топонимии Северной Осетии. В основу изысканий положена концепция: в топонимах находят выражение только те элементы географического ландшафта, которые существенны для социальных сфер и хозяйственной деятельности; в топонимах «отпечатались» языки племён, заимствования – следы тех этносов, которые некогда обитали на этих ландшафтах или же, по истечении определенного исторического времени, мигрировали на другие территории Евразии. Цель статьи: обнаружить в топонимии Северной Осетии языковой пласт древнего населения, восстановив его на определённой территории и очертив границы распространения. Возникновение и формирование топонимов обусловлено географическими ландшафтами, долговременными внешними и внутренними миграциями, способами ориентации их носителей. В «прочтении» семантики этимологической лексики с физико-географическими реалиями и природными условиями автор статьи исходил из того, что она обуславливается особенностями рельефа, растительного покрова, гидрографии, топонимической позитивностью, окружающей географической реальностью, опорой на исторические данные, а также тем, что любой этнический ареал изменчив во времени и пространстве, не имеет непрерывных границ; что в изучении географических названий одинаково важны и учёт этноязыкового состава населения, и влияние географической среды на возникновение топонима. К исследованию топонима применен комплексный подход: учтены лингво-, историко-, географический метод, социокультурный и географический факторы, лежащие в основе изучения топонимики, что мотивируется междисциплинарностью науки. Анализ материала выявил описательность топонимов, их связанность с физико-географическими особенностями ареала, а также то, что топонимы «создавались» в то далёкое время как приём запоминания, как своеобразный ориентир, выполнявший роль эквивалента настоящей географической карты.

Ключевые слова: осетинский язык, топоним, прасарматский, аланский, индоевропейский ареал, географический ландшафт, гидроним, реликт.

The article is devoted to the consideration of linguistic relics of ancient language communities in the toponymy of North Ossetia. The concept the research is based on presumes: in toponyms only elements of the geographical landscape essential for social spheres and economic activities are expressed; the toponyms fossilized the tribal languages, borrowings are imprints of those ethnic groups that once resided in these landscapes or migrated to other territories. The purpose of the article is to detect the linguistic layer of the ancient population in the toponymy of North Ossetia, restoring its territory and outlining the boundaries of its distribution. The emergence and formation of toponyms is due to geographic landscapes, long-term internal and external migrations, the ways of orientation of the speakers of these languages. In the “reading” of the semantics of etymological vocabulary with physical and geographic realities and natural conditions, the author of the article proceeded from the fact that it is due to the peculiarities of the relief, vegetation cover, hydrography, toponymical positivity surrounding the geographical niche; it is based on historical data and also on the fact, that any ethnic area is variable in time, has no continuous boundaries; that in the study of geographical names equally important is taking into account both the ethno-linguistic composition of the population and the influence of the geographic environment on the emergence of a toponym. An integrated approach has been applied to the study of the toponyms. The lingo-, historical, geographical, and sociocultural factors underlying the study of toponymy are motivated

by the interdisciplinary nature of science. The analysis of the material revealed the descriptiveness of toponyms, their connection with the physical and geographic features of the area, and also the fact that toponyms were "created" in that distant time as a method of memorization, as a peculiar landmark serving as an equivalent of a geographical map in reality.

Keywords: *the Ossetian language, toponym, Pro-Sarmatian, Indo-European, area, geographical landscape, hydronym, relict.*

Топонимы, как известно, интегрируют географию, историю, этнографию и лингвистику, потому что их возникновение и формирование связано с внешними и внутренними миграциями, с этноязыковым составом конкретного населения и определенным ландшафтом. То обстоятельство, что топонимы отражают элементы географического ландшафта, которые существенны в сферах социальных и хозяйственной деятельности, что в них запечатлеваются также все языки и заимствования, сохраняются следы народов, осевших на этих ландшафтах или мигрировавших на другие территории через эти ландшафты, должно учитываться при лингвоисторическом анализе топонима [1, 16–17].

Для восстановления и правильного прочтения семантики этимологической лексики с физико-географическими реалиями и природными условиями берется в расчет характер местности: особенности рельефа, растительного покрова, гидрографии, топонимическая позитивность, окружающая географическую реальность называемого объекта [2, 22]. Исходя из положения, что любой этнический ареал изменчив во времени, не имеет сплошных границ и в процессе этногенеза отличается сменой этнонимов [3, 40; 4], обосновывается необходимость при рассмотрении опираться на исторические данные.

В изучении географических названий принципиально важным является учет влияния географической среды и этноязыкового состава населения на

возникновение топонимов, потому что «различия ландшафта обуславливают разницу соответствующей лексики, используемой для создания топонимов. Ареал топоосновы «гора» совпадает с районами аккумулятивного ледникового рельефа и четко очерчивает границы моренных и песчаных водно-ледниковых всхолмлений» [5, 30–31]. Географические показатели исследуемой местности оказываются ценными для топонимики: в их пластах «...факты языка, прикрепленные территориально. Они переносят нас через века и тысячелетия, позволяют изучать языковые явления прошлого на географической основе, определяя их пространственные границы» [3, 14].

Известно, что географические названия являются порождением *описательного* периода познавательной деятельности человека на ранних этапах становления общества, когда господствовали обыденно-практические знания; топонимия того времени – результат осмысливания и фиксации населением процессов и явлений окружающей их природы с чисто прагматическим назначением [6, 6–7].

Исследование топонима требует применения комплексного – лингвоисторико-географического и социокультурного – подхода. Мотивируется это тем, что топоним содержит в себе не только разноязычные структурно-семантические, но и категориально-номенклатурные наслоения, связанные с историческими условиями и образом (кочевым, оседлым) жизни населения;

он зависим от социально-исторических формаций; связан с естественно-географической средой и общественной ролью объектов наименований. Географический фактор также один из основных в изучении топонимии.

В междисциплинарной географо-историко-лингвистической науке применимы также этимологический, формантный, исторический и особенно ареальный методы. Исследовать топонимы и топонимические термины, по мнению В.Д. Бондалетова, должно *в пространстве*, потому что «пространственный момент его бытия обусловлен, как и в языке в целом, тем, что носители языка занимают какую-то территорию, и живая речь звучит не в одном, а в разных местах ... у топонимов – связь с пространственными объектами более тесная: они являются их обозначениями» [7, 49].

Считается, что для определения происхождения топонима необходимо, прежде всего, установить его первоначальную форму, сняв все последующие изменения»; во-вторых, изучить структурную типологию образования топонимов в различных языках и, наконец, выяснить, какие слова языка могут фигурировать как составные части этих названий.

Предметом исследования в статье стали некоторые гидронимы, оронимы и топонимы Северной Осетии, обусловленные физико-географическими особенностями ареала, потому как «названия рек, как и названия гор, относительно устойчивей других. Им удается избежать превратностей истории, которым так подвержены названия населенных пунктов» [3, 43].

Для установления *первоначальной формы* топонима необходимо собрать по мере возможности все существующие зафиксированные его *варианты*, чтобы

следовать рекомендации В.И. Абаева: «Слово имеет две стороны, звуковую и смысловую. Обе эти стороны должны быть установлены с максимальной точностью и определенностью, для того, чтобы можно было отважиться на этимологическое объяснение. Если есть какая-либо неясность, хотя бы в одной стороне, звуковой или семантической, то всякие этимологические домыслы и догадки мало чем отличаются от гадания на кофейной гуще» [8, 338].

Река **Ардон** – гидроним *Æрдон/Æрыдон* – один из левых притоков реки Терек; образуется от слияния рек Нардон, Мамисондон и Цмийаг комы дон у сел. Зарамаг в Туалетии и течет по Алагирскому ущелью, где в нее впадает еще множество рек и речушек. Река Ардон впадает в реку Терек уже на плоскости возле БеканГЭС [9, 132]. А.Д. Цагаева, констатируя, что «элемент *ær* в первой части гидронима *Æрдон / Æрыдон* довольно часто встречается в топонимии Осетии и Кавказа вообще», предполагает, что «в нем, вероятно, отражается *более древнее название реки или же этноним какого-то древнего племени*. Возможно, *ær* восходит к *тюрк.-монг. яр* «овраг» (выделено нами. – Е.Б.) [9, 133].

В «Топонимическом словаре Кавказа» А.В. Твердого пишется о том, что «в основе перевода гидронима Ардон лежат осетинские *арра* – «бешеный» и *дон* – «река», «вода» – «*Бешеная река*» [10, № 221].

Все предложенные этимологии, на наш взгляд, малоубедительны.

Известно, что географические названия удостоверяют язык тех, кто их дал. Они, как правило, прикреплены к месту, и это означает, что по ним можно как восстановить древний язык на определенной территории, так и очертить границы его распространения. Для большинства языков географиче-

ские названия старше письменных свидетельств; они являются историческим источником, позволяющим реконструировать былое расселение племен и народов, их язык [3, 11–12].

Сложный гидроним *Ардон / Арыдон* состоит из прасарматской топоонимы **al-* «источник», «исток», «вода», «река» [11, 258] и осетинского слова *дон* «вода», «река» < иран. **dāni-*: ав. *dāni-* «река», др. инд. *dāni-* «капель», «роса». Перед нами *этимологический дублет*, обусловленный этноязыковой и лингвокультурной историей носителей иранских языков.

По всей вероятности, сложный гидроним *Ардон / Арыдон* сформировался еще в эпоху глубокой древности, возможно, когда на территории Центрального Кавказа обитали ираноязычные племена, создатели и носители кобано-тлийской высокохудожественной культуры и самобытного декоративно-прикладного искусства, датируемого XIV–IV вв. до н.э. Этот и другие историко-географо-лингвистические факты свидетельствуют о наличии древнеиранской реликтовой этнонимии, топонимии и гидронимии в указанном ареале.

Гласный *o* перед носовым *n* восходит к старому осетинскому *a*, и это позволяет восстановить более древнюю форму **dan*. Переход *dan* → *don* произошел, по мнению Абаева, до монгольского нашествия. Слияние значений «река» и «вода» в одном слове случилось позднее в условиях жизни в горах Кавказа, где горные родники и реки были единственным источником получения воды [12, 366–367]. По нашему же мнению, слияние значений «река» и «вода» в одном слове случилось гораздо раньше, чем датирует выдающийся ученый.

Топоним *Туалетия*. Локальный термин осетинского языка *туал* / груз.

двал(и). Осетинско-грузинские параллели в научной литературе обосновываются теснейшими переплетениями судеб двух народов и дают ученым возможность вести речь об общем культурном субстрате, в том числе и о памятниках языка, прикрепленных территориально и являющихся производными от исторических факторов.

В топониме *Туалгом* «Туальское ущелье», «Туалетия», по предположению А.Д. Цагаевой, отражено «деление осетин на более мелкие единицы, основанное на особенностях их говоров» (выделено нами. – Е.Б.) [9, 179].

По мнению других, первоначально *t/dwal-* имело значение «небольшая группа людей, объединенных кровным родством, семья, род», но со временем эта его семантика оказалась забытой, и термин стал функционировать в качестве своего рода микроэтнонима [13, 104–105].

А.В. Твердый считает, что в основе названия «Туалетия» лежит тюркское *тау* – «гора», «горная» [10, №1157].

По утверждению Ю.С. Гаглойти, *туал*, *туаллаг*, *туаллагтæ* «туалец; туалыцы» «являлись одной из этнотерриториальных или локальных групп осетинского народа» [14, 411].

Абаев пишет, что слово «*туал* < груз. *dvali* с оглушением начального *d-* <...> Этноним *dvali* в грузинской географической традиции прикреплен к той же территории, что и осет. *twal*, а именно к верховьям Ардона южнее ущелья *K'asara*; название той части осетин, которая населяет верховья реки Ардон на северных склонах Центрального Кавказа» (выделено нами. – Е.Б.) [15, 326].

Нас заинтересовало следующее заключение выдающегося лингвиста: «Нет сомнения, что *dval* (груз. *dvali*, арм. *dval-k*) в древности было наименованием одной из местных, кавказских

этнических групп... С приходом алан в Центральный Кавказ название, как это часто бывает, перешло к той их ветви, которая расселилась на территории древних туалов (твалов, двалов) и смешалась с ними...» И далее: «Гамрекели совершенно прав, когда он считает *dval* коренным кавказским, а не импортированным этнонимом. Но явно несостоятельно его утверждение, что твалы, двалы существовали как *особое племя* до XV в. н.э.» (выделено нами. – Е.Б.) [15, 326].

Мы не разделяем утверждение Ю.А. Дзицойты о том, что «в результате смешения скифов с каким-то сарматским племенем... была смена самоназвания древних скифов – вместо автоэтнонима **skuda-tā* “скиф(ы)” стал употребляться этноним *twal(tæ)* “туал(ы), туалыцы”» (выделено нами. – Е.Б.) [16, 221].

Смеем предположить, что перед нами термин *туал*, означающий «местность, расположенную между двумя реками», т.е. «двуречье», «междуречье», и отсюда **наименование обитателей по территориальному признаку** – «междуречники».

Дело в том, что в основе топонима Туал (-ия, -ети) лежит **div-* < и.е. **diu(u)* со значением «два» + прасармат. **al-* с семантикой «источник, вода, река», что дает в итоге **div-al-* со значением «двуречье», что соответствует и географическому положению.

В одном можем согласиться с Дзицойтой, что *междуречники* являли собой «иранское племя (сарматского или массагетского круга)». Заметим, что в этом и многих других исторических и географических реалиях уже не только проявляется, а становится неоспоримой концепция о наличии древнеиранских племен, языка и наследия на территории Центрального Кавказа. В свете замеченного наша этимологизация этно-

топонима *туалы* (Туалетия) понятием «междуречники» является достаточно убедительной и всецело соответствует научной теории о происхождении индоевропейцев, в частности древнеиранского языка и культуры в Передней Азии, на территории Армянского нагорья и последовательной миграции в исторические места их обитания в Евразии.

Наличие в грузинском языке заимствованного топонима *dual(i)* свидетельствует о реальной возможности лексических проникновений из некоего древнейшего иранского источника еще в общекартвельское состояние, о чем писал Г.А. Климов [17, 71].

Таким образом, это тот счастливый случай, когда топоним со временем становится **наименованием обитателей по территориальному признаку**.

Данные археологии свидетельствуют о том, что культура, создававшаяся на северном и южном склонах Центрального Кавказа во второй половине II и первой половине I тыс. до н.э., принадлежит тем древнеиранским племенам, которые ранее обосновались на Центральном Кавказе после первых миграционных волн. «Аланские племена, выделившись из сарматского племенного объединения и обосновавшись на территории Центрального Кавказа, слились с родственными им по языку и культурной традиции племенами древних иранцев, живших здесь в течение тысячелетий. И лишь по этой причине могло произойти скорое и естественное слияние двух этнических массивов – они, эти племена, были ираноязычными; этническое, культурное и языковое родство способствовало их быстрой этнической «адаптации», их слиянию в один этнос» [18, 15].

Результатом и свидетельством данной этнической «адаптации» является,

по нашему мнению, и топоним *Уæлладжыр* «Алагир», откуда *Уæлладжыры ком* «Алагирское ущелье».

В «Осетинских этюдах» В.Ф. Миллера в отделе третьем в «*Предании о поселении дигорцев в Камунте*» повествуется о том, что «третий брат – Ос – поселился в Алагирском ущелье и стал родоначальником осетин» [19, 138].

Алагирское ущелье – *Уæлладжыры ком* – ущелье реки Ардон в отрезке от пос. Бурон, где левый приток реки Цейдон сливается с рекой Ардон, до с. Тамиск, момента его вытекания из горных теснин на равнинную предгорную зону. В официальной литературе все населенные пункты этого ущелья принято называть *Уæлладжыр*. Но сами жители этих мест к *Уæлладжыр* относят села Дагом, Цамад, Урсдон, Донисар и др. – те селения, которые расположены на правом берегу реки Ардон, и село Биз. Селения, расположенные на левом берегу реки Ардон – от поселка Мизур и до реки Садон, левого притока реки Ардон, – они называют Донифарс, или Мизур. Объясняют тем, что принадлежали они роду Сидамонтæ, а в селениях от Нузала и дальше на юг жил род Цæразонтæ.

О семантике топонима *Уæлладжыр* нет единого мнения. Одни ученые пытаются выделить в нем две части: *уæллаг* «верхние», «верхняя» и *ыр* «осетины», «Осетия» [20, 81]. Другие вопрошают: «...если Алагирское ущелье – “Верхняя Осетия”, то почему нет топонима *Дæллаг Ир* “Нижняя Осетия?”» [9, 124].

Настораживает и то, что в понятие «*Уæлладжыр*», по информации старожилов, входит не все Алагирское ущелье, а лишь определенная его часть.

Считается, что во второй части слова *Уæлладжыр* заключено слово *Ир* «Осетия», «осетины», а в первой части слова *уæллаг* можно выделить суф. *-аг*. «Оставшаяся часть *уæл-*, – пишет Ца-

гаева (с ссылкой на Гаглойти), – по-видимому, восходит к этнониму племени валов (*уал, уан*)», да и «элемент *уал, уан, уел* достаточно часто встречается в топонимии Осетии, в основном Алагирского ущелья и Туалетии» [9, 124].

Прочитируем и А.В. Твердого. По его мнению, «в основе топонима Алагир лежит тюркское *алагырт*, ...перевод будет выглядеть как: *ала* – “пестрый”, *гырт* – “кусок”, “участок”. “*Пестрое место*”» [10. №137].

На наш взгляд, ни одна из приведенных выше этимологий топонима *Уæлладжыр* не соответствует реальной картине и, что важно, не отражает *связанность с физико-географическими особенностями ареала*.

Уæлладжыры ком «Алагирское ущелье» – живописное ущелье с сохранившимися следами древних фортификационных сооружений, замков, сторожевых башен и склепов делится узким Касарским проходом на верхнюю и нижнюю части. Мы акцентируем внимание на том, что *Уæлладжыры ком* представляет собой **естественную крепость**, и данную природную реалию, на наш взгляд, никак нельзя проигнорировать.

Обозначенная нами географическая особенность дает основание предположить, что в топониме *Уæлладжыр* «Алагир» заключено реликтовое сарматское местное название, представляющее собой сложение из *vāra* «отгороженное место; огражденное убежище; крепость» от базы **war-*, и.е. **wer* – «закрывать; покрывать; укрывать», с закономерным переходом *r* → *l* – *vala* «укрытие, убежище; крепость» + соединительная гласная *a*, и ее закономерное усиление перед *g* + др. инд. *giri* – с первоначальным значением «возвышенность, покрытая лесом» → «гора»; в итоге имеем: *vala-a-giri* – «крепость на возвышенно-

сти, покрытой лесом» → «крепость-гора, крепость горная».

Топоним **-uar* – в индоарийск. (ср. мифолог. *Vara-*), авест. (ср. «обитель праведных» *Vara*) восходит к названию шумерского города UR <...>. В собственно скифской и сарматской среде преобладало слово **-uar* – (*Nauaron*, *Nauaris*) в отличие от туран *kat[a]* -. Даже столица части хуннских племен на р. Герр (Днепр) в 460-е гг. называлась Хунновар... Это название показывает, что во время общности хуннов сарматское слово *uar* «крепость, город» все еще бытовало в языке северопричерноморского населения» [11, 259].

Семантику слова «гора» относят к числу «сложных и вторичных значений; считается, что оно развилось на базе таких простых, первичных значений, как «высокий», «поднимающийся, выступающий», «куча, груда»; <...> старая лексема со значением «гора» еще недостаточно исследована семантически. Таким недостаточно исследованным случаем лексемы гора является, по-видимому, др.-инд. *giri-*, авест. *gairi-*, слав. *gora* – все со значением «гора» и общей реконструкцией и.-е. **g_uer-*, **g_uor-* «гора» [21, 85–86].

Географические названия в качестве исторических источников имеют языковую принадлежность и конкретно-историческое содержание. Они служат неоценимым материалом для истории языка: по ним можно восстановить его былое состояние в развитии. Названия как факты языка «переносят нас через века и тысячелетия, позволяют изучать языковые явления прошлого географически, определяя их пространственные границы» [3, 14].

А.Д. Цагаева выделяет в осетинской топонимии, кроме осетинского пласта, еще кавказский, византийско-римский (вкрапления), тюрко-монгольский, сла-

вянский; а также объекты, имеющие двойные названия; необъясненные названия и древнейший топонимический пласт, относя к слою необъясненных названий и рассматриваемые топонимы [22, 110].

Наличие топонимов Алагирского района на физико-географической и историко-географической картах Осетии напоминает о том, что «могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия как своего рода имена собственные, ничего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраняться в течение тысяч лет» [23, 37].

Итак, концепции, положенные в основу исследования, подтвердили, что в топонимах находят выражение только те элементы географического ландшафта, которые существенны для повседневной жизни и хозяйственной деятельности; что в них запечатлены языки и заимствования – следы этносов, осевших некогда на этих ландшафтах, а впоследствии мигрировавших на другие территории.

Обнаруженный в топонимии Северной Осетии языковой пласт древнего населения, восстановленный на территории Алагирского района, является древнеиранским сложением. Этот же пласт удостоверяет присутствие ираноязычного этноса на Центральном Кавказе с древнейших времен по сей день.

Возникновение и формирование топонимов обуславливается географическими ландшафтами, долговременными внешними и внутренними миграциями, способами ориентации их носителей. Выявлено, что топонимы «создавались» в то далекое время как прием запоминания, как своеобраз-

ный ориентир, выполнявший роль эквивалента настоящей географической карты.

В «прочтении» семантики этимологической лексики с физико-географическими реалиями и природными условиями автор статьи исходил из того, что она обуславливается особенностями рельефа, растительного покрова, гидрографии, топонимической позитивностью, окружающей географической реальности, опорой на исторические данные, а также тем, что любой этнический ареал изменчив во времени, не имеет непрерывных границ; что в изучении географических названий одинаково важны и учет этноязыкового состава населения, и влияние географической среды на возникновение топонима.

Практика убеждает, что междисциплинарные методы исследования топонимов заполняют существующие проблемные «пятна» в топонимообразовании географических объектов. И лингвистическая задача, и географическая связаны со временем и пространством, с передачей топонимов с одного языка в другой как элемента этнолингвистической географии и картографической топонимики, испытавшего влияние географической среды и этноязыкового состава населения.

Крайне важным аспектом научного исследования, на наш взгляд, является принцип систематизации ономастических дефиниций по конкретным лингво-географическим ареалам: Армянское нагорье, Южный Кавказ, Центральный Кавказ, Среднее Предкавказье и др., а также по этноисторическим эпохам: древнеиранская (кобано-тлийская; XIV–IV вв.); среднеиранская (сармато-раннеаланская; III в. до н.э. – III в. н.э.); аланская (периода раннего и зрелого средневековья; IV–XIII вв.); новоиранская (осетинская, периода позднего

средневековья; XIV–XVIII вв.) и нового времени (XIX–XX вв.).

Однозначно, что такой теоретико-методологический подход будет способствовать более тщательному, максимально соответствующему культурно-исторической реальности, рассмотрению проблемы этногенеза, этнической и социальной истории ираноязычных племен и осетинского народа на территории Центрального Кавказа и Среднего Предкавказья.

Приходится лишь сожалеть, вслед за А.Д. Цагаевой [22, 123], об отсутствии комплексного изучения топонимии Кавказа и составлении сводных топонимических лексиконов, по которым можно было бы провести сравнительный анализ топонимии различных времен и народов для обнаружения общих типологических черт; отследить топонимию ареалов расселения и присутствия алан в прошлом (Крым, Кубань, Дон и др.; Венгрия, Испания, Франция, Китай и пр.), чтобы иметь возможность выявить языковой состав древнейшего топонимического слоя. В связи с этим достойно всяческих похвал издание «Топонимии Южной Осетии» в трех томах З.Д. Цховребовой и Ю. А. Дзиццойты (2013, 2015).

Закономерный процесс – взаимовлияние и взаимопроникновение наук – всегда вызывает к жизни, как известно, стыковые науки, а это означает новые исследования на стыке языкознания, географии и истории. Тем более, что «исследования последних десятилетий позволили отделить друг от друга скифский и сарматский (к последнему фонетически примыкают также аланский и осетинский) языки, ранее воспринимавшиеся как диалекты одной и той же языковой общности, что открывает новые возможности для исследования этнической истории осетинского народа» [24, 122].

1. Ханмагомедов Х.Л. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения (на материале Дагестана): Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. Баку, 1996.
2. Куклин А.Н. Теоретические и методологические проблемы ономастических исследований // Ономастика Поволжья: Тезисы докладов IX международной конференции (Волгоград, 9–12 сентября 2002 г.). Волгоград, 2002. С. 21–22.
3. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
4. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы: Сборник статей / Отв. ред. В.А. Никонов. М., 1970. С. 5–33.
5. Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск, 1968.
6. Акимов Р.А. Философия и методология науки: Учеб. пособие. Махачкала, 2011.
7. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.
8. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949. Т. I.
9. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. II.
10. Твердый А.В. Топонимический словарь Кавказа. Краснодар, 2006: [электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/643-toponimicheskii_slovar_kavkaza_tya.html
11. Шапошников А.К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005. М., 2007. С. 255–322.
12. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I.
13. Пахалина Т.Н. Скифо-осетинские этимологии // Nartamongæ: The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology and Language. Vladikavkaz–Paris, 2002. Т. I. № 1. С. 103–106.
14. Гаглойти Ю.С. Об этнической принадлежности средневековых туалыцев (двалов) // Избранные труды. Цхинвал, 2010. С. 410–428.
15. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
16. Дзиццойты Ю.А. Кавказская Скифия // Известия ЮОНИИ им. З.Н. Ванева. Вып. XXXVIII, юбилейный. Цхинвал, 2009. С. 190–228.
17. Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
18. Техов Б.В. Осетины – древний народ Кавказа: Страницы из этнической истории осетин. (Истоки. Культура, Этнос). Цхинвал, 1993.
19. Миллер Вс. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
20. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.
21. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.
22. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. В 2-х частях. Орджоникидзе, 1971. Ч. I.
23. Серебрянников Б.А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. Т. 8. № 6. С. 36–50.
24. Кулланда С.В. Этногенез осетин по лингвистическим данным // Этногенез и этническая история осетин: Материалы Международного научного конгресса (Владикавказ, 21–22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013. С. 122–131.